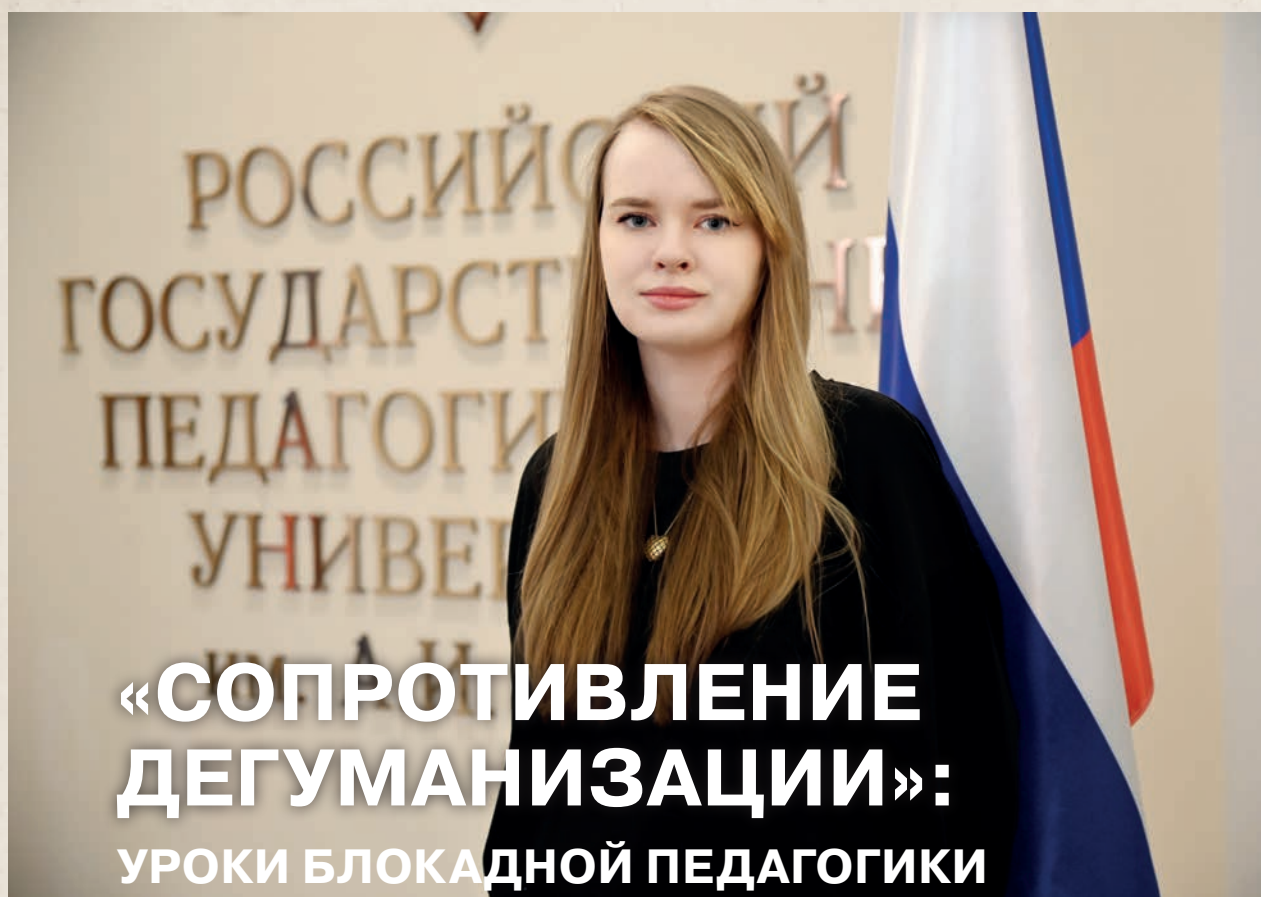




«СОПРОТИВЛЕНИЕ ДЕГУМАНИЗАЦИИ»: УРОКИ БЛОКАДНОЙ ПЕДАГОГИКИ

ПОДГОТОВИЛА: Анна Солодовникова, корреспондент «ПВ»

БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА — ЭТО НЕ ТОЛЬКО МАСШТАБНАЯ ДАТА В УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ, НО И ТЫСЯЧИ ЛИЧНЫХ ИСТОРИЙ О ВЫЖИВАНИИ. И СЕГОДНЯ ЭТА СЛОЖНАЯ, ТРАГИЧЕСКАЯ ТЕМА ГЛУБОКО ВОЛНУЕТ ИМЕННО МОЛОДОЕ ПОКОЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ. О ТОМ, КАК УЧИТЕЛЯ В НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ ОКАЗЫВАЛИ ДЕТЯМ «ТОТАЛЬНУЮ ЗАБОТУ», ЗАМЕНЯЯ РОДИТЕЛЕЙ, ПСИХОЛОГОВ И СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ ОДНОВРЕМЕННО, — МЫ ПОГОВОРИЛИ С АСПИРАНТКОЙ ИНСТИТУТА ПЕДАГОГИКИ РГПУ ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА ИРЕНОЙ МИЛОВОЙ.

В исследовании «Спротивление дегуманизации: педагогическое взаимодействие педагога и ребёнка в условиях блокады Ленинграда» Ирена Милова изучила дневники и воспоминания о том периоде, создала портрет педагога-героя и вывела универсальные формулы поддержки детей в кризисных ситуациях. То, что такие исследования проводят начинающие учёные, говорит о неразрывной связи поколений и непреходящей ценности гуманистических идеалов в профессии педагога. Исследование выполнено под научным руководством Светланы Расчётиной, профессора кафедры теории и методики воспитания и социальной работы института педагогики РГПУ им. А. И. Герцена.

Масштаб и глубина этой работы уже получили высокое признание: в 2025 году Ирена Милова в третий раз стала лауреатом премии Правительства Санкт-Петербурга в области научно-педагогических исследований.

В интервью она рассказала, почему ценность «скучной школьной рутины» становится спасе-

нием в период хаоса и какие уроки современные студенты-герценовцы могут извлечь из опыта своих предшественников.

— Как обучение в РГПУ им. А. И. Герцена повлияло на выбор темы о педагогическом взаимодействии в условиях блокады?

— Обучение в нашем университете, чья история неразрывно связана с судьбой Ленинграда и ленинградских детей, сформировало у меня особое отношение к педагогике не просто как к процессу передачи знаний, а как к высшей гуманистической миссии в любых обстоятельствах. Знакомясь с историей университета и обучаясь в его стенах, переживших блокаду, поставили передо мной вопрос, как осуществлялась данная миссия в чрезвычайных условиях.

Ещё обучаясь по программе бакалавриата, наш курс посещал Педагогический музей Академии постдипломного педагогического образования, где со-

трудники очень трепетно рассказывали историю сопротивления педагогов Ленинграда условиям блокады. С тех пор на основе услышанного и герценовских традиций ценностного отношения к профессии педагога сформировался уже лично мой исследовательский интерес к ситуации блокады Ленинграда и особенностям педагогической деятельности в её условиях.

— Ваше предыдущее образование — логопедия и социально-педагогическое сопровождение семьи. Как эти специальности помогают анализировать экстремальный опыт блокадных педагогов и детей?

— Эти специальности позволили мне изучать опыт блокадных педагогов и детей как на микроуровне, так и на макроуровне.

Логопедия — наука не только о формировании речи у ребёнка, но и о коммуникации. В блокадных дневниках и отчётах я вижу, как педагоги через коммуникацию, с помощью стихов, разговоров, песни, возвращали к жизни детей, обессиленных и измученных.

Программа социально-педагогического сопровождения семьи и ребёнка учит видеть систему: в этой системе мы видим обездоленного ребёнка не изолированно, а в контексте его разрушенного мира. Это помогает понять действия педагогов, которые брали на себя ранее не свойственные им роли: заменяли родителей, создавали новые связи с детьми в детских коллективах, оказывая комплексную поддержку, выходящую далеко за рамки учебного процесса. По сути педагоги блокадного Ленинграда интуитивно применяли методы социально-педагогической поддержки в условиях тотального кризиса ещё до появления данного понятия в науке.

— Какие уроки из исследования блокадной педагогики, на Ваш взгляд, наиболее актуальны для современных студентов Герценовского университета — будущих педагогов, которые могут столкнуться с вызовами иного рода?

— Одним из главных уроков стало оказание педагогами недирективной поддержки. Блокадные педагоги часто не учили жизни, а просто были рядом, делились последним, давая понять: «Я здесь, с тобой, ты не один, мы вместе». Это становилось основой доверия и опорой для ребёнка даже в самые тяжёлые моменты испытаний. Другой важный урок для нас, как бы странно не казалось, — ценность рутины и нормальности как терапевтического инструмента в широком смысле. Провести урок в нетопленном классе или бомбоубежище, проверить тетради при свете коптилки или контрольную работу — это было актом утверждения жизни, порядка против хаоса. Для современного педагога, который может столкнуться с вызовами иного рода, это напоминания: сама структура учебного дня, предсказуемость, справедливые требования и честное внимание к ребёнку создают «островок безопасности» для него.

— Можете ли привести конкретный, наиболее поразивший пример «педагогического взаимодействия» из блокадной практики, который, на Ваш взгляд, и есть акт сопротивления дегуманизации?

— Нами были выделены три типа педагогического взаимодействия в условиях блокады. Каждая история действительно уникальна и трогает до глубины



души. Например, оставили отпечаток воспоминания семиклассницы Гали Зимницкой, которая в своём дневнике писала об учителе истории Павле Петровиче, построившем тёплые и доверительные отношения с учениками. Однако, как написала Галя 17 ноября, «тяжело ранило нашего Павла Петровича», который «стоял на дороге и подгонял детей в укрытие», рискуя своей жизнью ради защиты и спасения ребят.

Особое значение приобрело в условиях блокады духовно-наставляющее взаимодействие педагога и ребёнка. Педагог блокадного времени тонко чувствовал детей и в этом, в том числе, специфика педагогического взаимодействия в тот период. Например, К. В. Ползикова-Рубец так пишет о проводимых ею уроках: «13 ноября 1941 г. Не ведём никаких записей в тетрадях: это тяжело. Но рассказывать надо

Председатель Комитета по науке и высшей школе Санкт-Петербурга А. С. Максимов, И. А. Милова, председатель Архивного комитета Санкт-Петербурга П. Е. Тищенко. 2025 г.





Патриотическая экскурсия «Дорога жизни» для студентов первого курса РГПУ им. А. И. Герцена. 2025 г.

интересно. Ох, как это надо! У детей столько тяжёлого на душе, столько тревог, что слушать тусклую речь они не будут. И показать им, как тебе трудно, тоже нельзя».

— Вы изучаете личностные характеристики педагогов и детей. Есть ли в Ваших находках некий «портрет» педагога, который оказывался наиболее устойчивым в тех условиях? И наоборот, какие черты ребёнка помогали ему выживать психологически?

— В рамках широкого исследования были сформулированы и охарактеризованы портреты педагога и ребёнка блокадного Ленинграда с качествами и чертами, на которых непосредственно и строилось педагогическое взаимодействие.

К обобщённым, наиболее ярко выраженным профессионально-личностным характеристикам педагога блокадного Ленинграда мы отнесли стремление к заботе о здоровье и состоянии детей, ответственность перед собой и детьми, стойкость духа и мужество, бесстрашие и умение справиться со страхом ради спасения ребёнка, творческий подход к обучению и воспитанию. Эти качества формировали портрет устойчивого педагога — необязательно сильно физически, но выступающего опорой и поддержкой ребёнка в условиях дегуманизации.

В то же время мы определили, что ребёнок блокадного Ленинграда также отличался рядом специфических качеств: детская опустошённость, быстрое взросление, сплочённость и чувство ответственности за других, сила воли, мужество, любознательность и заинтересованность в получении новых знаний.

— Можно ли рассматривать блокадную педагогику как уникальный исторический феномен, или Вы видите в ней универсальные механизмы, которые проявляются в других экстремальных ситуациях (войны, катастрофы, кризисы)?

— Блокадная педагогика, безусловно, уникальна как исторический феномен. Тем не менее можно предположить, что в её основе лежат определённые универсальные механизмы педагогики в экстремальных условиях: смещение цели с дидактики на терапию и поддержку, создание микросообщества как замены разрушенным

социальным связям, сакрализация повседневности. Эти механизмы мы зачастую видим в экстремальных ситуациях, таких как войны, катастрофы и кризисы.

— Планируете ли Вы в дальнейшем расширить исследование, включив в него, например, анализ детских рисунков или других материалов?

— Безусловно. На данный момент моё исследование построено на анализе и дневниковых записей педагогов и детей блокадного времени, отчётных документов педагогов и воспоминаний свидетелей того времени. Интересным было бы изучение как детских рисунков, так и того, какую литературу читали детям в период блокады.

— В 2025 году мы отмечаем 80-летие Победы в Великой Отечественной войне. Ваше исследование возвращает нас от масштабной даты к судьбам конкретных людей — педагогов и детей. Как, на Ваш взгляд, изучение таких историй педагогического сопротивления и гуманизма в блокаде помогает нам заново осмыслить и почувствовать значение Великой Победы?

— Моё исследование пытается увидеть ту невидимую, подводную часть Победы в Великой Отечественной войне, которая состоит из миллионов частных и тихих побед, ведь Победа — это не только день взятия Берлина (при безусловной его важности). Это каждый день, который учительница приходила в школу. Это каждый ребёнок, который, несмотря ни на что, учил стихи. Это победа человеческого духа над страхом, безысходностью и ужасом. Это победа жизни над смертью здесь и сейчас. Через знакомство с этими историями Победа перестаёт быть абстрактным символом и становится осязаемой силой конкретных людей. Мы начинаем осознавать и чувствовать, что победили не бездушные стальные дивизии, а хрупкие, но нестигаемые люди.

— Ваша работа косвенно перекликается с Годом защитника Отечества. Вы изучаете педагогов, которые, не держа в руках оружия, защищали в осаждённом городе детство своих воспитанников. Считаете ли Вы, что в контексте Вашего исследования понятие «защитник Отечества» можно расширить, включив в него таких «бойцов»?

— Абсолютно убеждена, что можно и нужно. Защитник Отечества — это тот, кто защищает его суть, его будущее. Так же, как солдат защищал границы и свою страну, педагог в тылу защищал культурное будущее Отечества, его нравственные основы, его будущее в лице детей. Он вёл битву за идентичность: чтобы дети знали и помнили, что они не просто выживающие, а они — ленинградцы, люди культуры. Деятельность педагога выступала опорой на самом глубоком и ценностном рубеже. Их оружием были любовь, долг и собственный пример. Поэтому в контексте моего исследования они — безусловные защитники Отечества, бойцы духовного фронта, чей подвиг имеет не менее судьбоносное значение.

пв.